

Куликов Д.К.
Функции воображения в познании.

Психология когнитивных процессов /под ред. Егорова А.Г., Селиванова В.В.
(сборник статей). Смоленск: Универсум. 2013 - 263 с. [46–59].

1

Интерес к воображению и творчеству имеет глубокую научно-философскую и литературную историю. Сегодня можно выделить две основные точки зрения на место и функции воображения в познании.

1) Воображение рассматривается как дополнение или чувственный инструмент разума. Разум при этом трактуется как самодостаточный источник истинного знания, который использует воображение для работы с наглядным и эмпирическим материалом. Этот подход сложился в русле классической философской традиции.

2) Воображение представляет собой необходимый компонент познавательной деятельности и развивается в синтезе с другими высшими процессами. Этот подход восходит к работам Гегеля и отчасти Спинозы и получает оформление в ряде направлений современной психологии.

Историко-философский анализ показывает, что источником проблемы воображения стал методологический дуализм природы и мышления. [46] Воображение признается как *инструмент* чистого духа или разумного мышления для освоения материала чувственности. Монизм в объяснении познания получил развитие лишь в системе Спинозы и немецкой классической философии, в частности, у Гегеля, для которого воображение – это *необходимый способ* раскрытия идеального содержания в чувственно данном многообразии бытия.

Дуализм чувственного и рационального укоренен в миропонимании мифологического мышления. Словом *φαντασία* греки обозначали чувственный облик вещи, а также ее показанную внешность. В философской мысли это слово приобрело особое значение: *воображение как представление и способность делать предмет видимым для сознания* (такой объект – это *φάντασμα*). Глубинной коннотацией этого термина оказывается первобытная дихотомия мира на «скрытое» и «показанное», восходящая к ритуальной практике разграничения «сакрального» и «профанного». В философском мышлении этот мифологический корень миропонимания трансформировался в образ Космоса как синтеза реального (материально-явленного) и идеального (нематериально-божественного, структурно-идейного).

У Платона *φαντασία* рассматривается как промежуточное состояние души между внешним впечатлением, являющимся источником мнений, и мышлением, добирающимся до истины. Согласно Аристотелю, воображение, с одной стороны, отлично как от чувственного восприятия,

так и от рассудка, а с другой, – оно динамически с ними связано: вырастает из ощущений и *обеспечивает связность (осмысленность)* высказываний¹. Аристотель открыл *познавательную функцию* воображения: оно дает сознанию *образы*, с которым может работать мышление, ставя их в отношение к вопросу их истинности. Плотин, исследуя воображение, разделил его *функции в порождении образов* вообще и *функции в познании*. Источник образных функций воображения – это желания, вызываемые воздействием материи на душу². Разумная душа может не подвергаться пассивно влиянию образов, а активно ими пользоваться (например, в геометрии).

Аристотелевские и неоплатонические определения воображения были развиты средневековыми схоластами, в частности Фомой Аквинским, и унаследованы метафизическим мышлением Нового времени. Теоретический и практический интерес к воображению актуализируется новоевропейской философией в связи с акцентом на гносеологию и формированием установки на научный метод познания. Общей чертой эмпириков и рационалистов было истолкование воображения как модуса или способа мышления в составе других способностей – восприятия, памяти, рассудка, разума. Воображение – это *функция преобразования телесных воздействий*, идущих от ощущений, *в бестелесную форму идей*³. Познание через посредство воображения – это познание в образах, нарисованных фантазией⁴ и *конкретизирующей деятельность разума*⁵. Б. Спиноза развивал рационалистическое учение Декарта о воображении как общей способности мышления создавать чувственные образы вещей. Однако у него мы находим существенное ограничение познавательных функций воображения. Опорой воображения являются слова и житейский опыт, который является неупорядоченным и порождает чувственные идеи, отражающие не столько природу самих вещей, сколько состояния тела человека, вызванные их [47] воздействием. Этот уровень знаний Спиноза считает ненаучным и неистинным. Воображение *порождает связь неадекватных идей*, порядок которых подвержен случайностям, поскольку в нем отражено возникновение образов через чувственное воздействие (случайное *впечатление или ассоциация, или обобщение сходства*)⁶. Впрочем, отображая взаимодействие человека и телесной природы, образы воображения являются важным условием рефлексивного и разумного познания. В определении воображения эмпирики XVII в. были гораздо ближе рационалистам, чем в вопросе разумного познания. Положения Т. Гоббса созвучны декартовской характеристике воображения как общей способности производить любые образы телесных вещей, которые Гоббс называл призраками или фантазмами. Как представительство материального (телесного) мира в душе, *воображение есть стихия мышления* и познания в целом, ибо, по Гоббсу, когда мы мыслим, умозаключаем, вычисляем, мы оперируем только образами воображения⁷.

Психологизация теории познания была осуществлена Д. Юмом. Воображение и память он рассматривал как два способа превращения впечатлений (*impressions*) в идеи, или копии впечатлений. Он обратил внимание на способность воображения к разъединению и произвольному соединению простых идей, подчеркивая не только *синтетическую*, но и его *аналитическую функцию*⁸. Воображение – это определенная структура сознания, порядок образов, вызванных деятельностью ума⁹. На основе ассоциативных связей идей воображение *соединяет* в душе *опыт прошлого и предвосхищаемое будущее*¹⁰.

Вслед за Юмом проблема познания была перенесена Кантом внутрь субъекта и выступила как проблема синтеза содержания чувственности и категориальной структуры рассудка. Функцию обеспечения этого единства Кант связал с продуктивной деятельностью воображения. Воображение есть *функция подведения чувственного содержания под категориальные схемы рассудка*. Воображение – это чувственное в мысленном, однако это представительство не является эмпирическим по происхождению. Продукт воображения – это *схема упорядочивания эмпирического многообразия восприятия деятельностью рассудка*. Схема – это не образ, а «единство в определении чувственности»¹¹ или способ представлять некоторое содержание, например, конкретную величину, в образе.

Однако агностицизм Канта вел к выводу о том, что схемы не являются знанием «вещей в себе». Воображение *творит предметы знания*, которое само по себе остается субъективным. Воображение – это *деятельность по производству схем построения идеальных образов*. Свободная синтетическая деятельность воображения – это источник структуры сознания и избирательного отражения. По мнению Ю.М. Бородая, образ предмета, содержащий в себе продукт воображения, есть *gestalt* психологов¹².

Гегель, стремясь преодолеть дуализм явления и вещи в себе, рассматривал воображение как один из всеобщих способов деятельности Абсолютного духа. Воображение соответствует сознанию на уровне представления, которому предшествует ступень произвольной деятельности припоминания. Воображение носит произвольный характер и относится к предмету созерцания, [48] как выразился Гегель, мысляще, т.е. *выделяет в нем всеобщее, обобщает*, затрагивая содержание¹³. Благодаря воображению *возможна знаковая функция*, удерживающая представление и память, в опоре на которые, по Гегелю, развивается мышление¹⁴. В художественном творчестве воображение осуществляет *идеализацию чувственного*¹⁵. Творческое воображение – это форма духа, осуществляющая себя в чувственном материале.

В теории познания немецких идеалистов воображение достигло субъективных оснований познавательной деятельности, выступая носителем особых функций. Однако у Канта единство сознания оставалось

замкнутым в мире идеальных представлений, тогда как в системе Гегеля единство сознания обуславливалось единством предметной определенности вне сознания. Благодаря немецкой классической философии, *вопрос об отношении между идеальной определенностью предмета в сознании и объективной определенностью предмета* оказывается ключевым для теории познания.

2

История проблемы показывает, что подход к воображению как необходимому компоненту познавательной деятельности распадается на множество вариантов, особенности которых отражают общетеоретические позиции их авторов.

Так, например, подход к воображению ассоциативной психологии, в сравнении с немецким идеализмом XIX в., кажется отступлением в сферу сенсуализма и субъективизма. Однако, было бы неверно считать, что объяснение воображения ассоцианистами сводилось лишь к репродуктивной или комбинаторной деятельности. Так, согласно В. Вундту, воображение, как *высший апперцепционный процесс*, обеспечивает структурное единство сознания. Спецификой воображения является *осуществление функций анализа и синтеза*, поэтому в интеллектуальном плане аналитико-синтетическая деятельность воображения объединяет его с рациональным мышлением. Однако если воображение ориентировано на воспроизведение в сознании *чувственной целостности* предмета или события, то мышление строит предмет в его *логической целостности*¹⁶. В теории Т. Рибо творческие функции воображения возведены к единству всех проявлений личности – эмоционально-волевых, познавательных, деятельных. Теория воображения Т. Рибо – это вершина генетического подхода к психике, возможная на основе ассоцианизма. Работа воображения ближе к рациональной деятельности рассудка и функциям диссоциации, ассоциации, аналогии и метафоры. Подобно тому, как воля организует движение, сочетает и разъединяет действия, подчиняя их общей цели, так воображение овладевает образным содержанием сознания, позволяя *управлять представлениями*¹⁷.

Подход ассоциативной психологии показал, что вопрос о связи воображения с объективной определенностью предмета, позволяющей раскрыть его познавательные функции, остался нерешенным. Даже у Рибо деятельная сторона поведения оказалась редуцированной к моторно-физиологическому аспекту и рассматривалась им в аспекте производительной деятельности лишь косвенно, например, в связи с признанием роли труда в развитии произвольного внимания. [49]

В стремлении устранить недостатки ассоциативной психологии рядом направлений была предпринята попытка обосновать автономность и самодостаточность когнитивных функций воображения относительно

рационального мышления. Этим самым разрушалось единство познавательной деятельности, на месте которой постулировались разные способы постижения действительности.

В психоанализе З. Фрейда воображение предстает как состояние сознания, выросшее из неконтролируемого источника бессознательного, и его руководящего «принципа удовольствия». Фантазия – это посредник между id и ego в этом направлении. Начало фантазирования как вида мыслительной деятельности Фрейд возводит к детской игре и мечтательности, для которой чужда забота о связи идей с реальными объектами¹⁸. Строго говоря, при таком понимании воображение, в принципе, вытесняется за пределы познания в аутистическую сферу «внутреннего мира» субъекта.

С точки зрения З. Фрейда, а также К.Г. Юнга, детские и аутистические фантазии есть лишь симптоматическое *проявление активности бессознательного*. Между тем, Юнг посчитал, что основоположник психоанализа недооценил когнитивную значимость воображения. Юнг попытался высвободить воображение из-под власти иррационального принципа удовольствия. Однако и у него воображение распалось на аффективную фантазию и глубинную активность сознания¹⁹. Творческая сторона психики работает на глубинном уровне архетипов, извлекая оттуда смыслы, имеющие всеобщее познавательное значение. Воображение оказалось процессом сознательного выражения архетипов, оставаясь в своей символической «логике» за гранью рационально-логических функций мышления.

З. Фрейд считал, что процессы, задействованные в творчестве, аналогичны процессам порождения сновидения, при этом и те, и другие протекают спонтанно. Он показал, что сновидение представляет собой сгущение, смещение и превращение мысли в зрительный образ²⁰. Сгущение – это концентрация смыслов, их ассоциирование. Благодаря этой операции объект помещается в новый контекст, что дает сопоставление качественно новых аспектов его выражения и понимания. Этот способ синтеза нашел применение в методиках стимуляции творчества при решении сложных задач методами мозгового штурма и синектики.

На основе связывания объективно не связанного возникают знаковые функции, в частности, речь. Ассоциативные механизмы позволяют одному и тому же слову слипаться в пары с разными предметами, благодаря чему скрепляются ассоциативные элементы опыта, например огонь и солнце, священный символ и табуированный предмет. Это ближайшая интегративная функция знака, в том числе и жеста. Через внутреннюю речь и репродукцию представления предметные единицы начинают вступать в сознании в различные отношения, в том числе фантастические. Таким способом выстраиваются цепные комплексы объектов, связь

которых между собой закреплена языковыми значениями. На этом принципе построен также механизм сновидения, описанный Фрейдом как смещение. [50]

А. Кёстлер, изучавший механизмы творчества, полагал, что не всякая связь, устанавливаемая в сознании, реализует творческое воображение. В повседневной жизни процессы нашего мышления и воображения подчинены логике событий и обыденного опыта, общение управляется конвенциональными нормами, а речевая деятельность – правилами синтаксиса и грамматики. Привычный порядок ассоциаций – это мышление по заданным правилам в одном плане, который преодолевается *методом бисоциации*. «Акт бисоциации означает комбинирование двух различных рядов правил, существующих по отдельности в разных планах»²¹.

Бисоциация лежит в основе современных принципов юмора, составления каламбуров, комиксов и анекдотов. Бисоциация смещает тривиальную связь в новый неожиданный контекст (образцы такого смещения даны, например, в комиксах Х. Бидструпа). Бисоциация, по Кестлеру, вызывает *хаха-реакцию*, выражающую комический эффект²².

Однако бисоциация управляет не только комическим. Большое значение Кестлер придавал архаически довербальному плану психики, низким уровням восприятия ритма, созвучия, эвфонии и признавал невербальные истоки научного творчества, которое «начинается там, где заканчивается язык»²³. Выходит, что наиболее примитивные и древние формы ментальности обладают большей творческой силой и когнитивным потенциалом, чем дисциплинированное мышление.

Верно ли, однако, замыкать воображение между гранями знаковой условности, привычности и иррациональными глубинами «я»? Интуитивист А. Бергсон считал, что трансцендирующую функцию выполняет смех и отводил комическое в область чистого разума²⁴. Смех – это реакция жизни на чистый автоматизм и косность материального мира, неспособного к эластичности живого движения. Споткнувшийся человек вызывает смех, если его действия косны и произвольны. Человек, произвольно присевший на землю, смеха не вызывает. Однако разум у Бергсона остался противоположностью материальной природе. Более того, подлинная жизнь, ее движение и творящая потенция вынесены им за пределы материи. *Косность материи* можно познать научно и упорядочить в рассудочную форму. Творчество же – это стихия жизни, длительность, улавливаемая лишь интуицией.

Смех и творчество у Бергсона всецело отрицательны. Напротив, как показал М.М. Бахтин в своей работе о творчестве Рабле, смех выступает исключительно положительным творческим началом. Карнавал – это стихия смеха и равенства, он противоположен официальному празднику, подчеркивающему неравенство социальной иерархии²⁵. Смех обнажает

противоречие жизни и находит ей комическое выражение. «Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия. Он восстанавливает эту амбивалентную целостность»²⁶. В таком смехе рождаются образы, зашоренные рассудочными схемами здравого смысла и официальной дозволенности. Здесь воображение смеющегося прорывается сквозь *косность сознания* к подлинности материальной жизни и ее противоречиям.

Вступление элементов в новые отношения есть обнаружение тех свойств и отношений, которые были разомкнуты словом, привычкой, традицией, уставом, [51] приказом, насилием. В работе воображения мы находим не выплеск психического содержания, вытесненного ранее в бессознательное, но прорыв сознания к новому содержанию, а именно к противоречию самой действительности. В смехе воображение движется от условности знака к отношениям внезнаковой действительности.

3

Связывание объективно несвязанного – одно из главных направлений работы воображения, благодаря которому мышление получает материал для познания новых отношений. Между тем, такое связывание характерно и для абстрактно-рассудочного мышления в форме материальной импликации, познавательный смысл которой был бы очевидно потерян без функций воображения.

В подходе иррационалистов познание распалось на две формы, регулируемые, в одном случае, творческими функциями воображения, а в другом – абстрактно-рассудочными, логическими механизмами. Стремление противопоставить воображение реалистическим или объективным установкам познания, лишь обострило вопрос о его когнитивных функциях. Показательна в этом отношении судьба гештальтпсихологии. Для основоположников этого направления характерно избегание вопроса о воображении. Соответствующий термин встречается крайне редко в их работах. Между тем, о проблеме воображения в гештальтпсихологии можно говорить в контексте функций инсайта и процессов визуализации. Воображение – это психическая деятельность по организации мысленной или перцептивной структуры. Воображение является *источником смысловых компонентов восприятия*, например, выделения фигуры на фоне в классическом примере вазы Рубина. В контексте исследований М. Вертгеймером и К. Дункером *познавательной роли инсайта* воображение можно истолковать как механизм, неотделимый от процессов мышления. Перспективность этого подхода ясно видна на примере работ современного представителя гештальтпсихологии Р. Арнхейма, изучавшего визуальное творчество и специфику «визуального мышления».

Третий бессознательный механизм творчества, наряду со сгущением и смещением, З. Фрейд описывал как *превращение мыслей в зрительные образы*. Содержание сновидения существует исходно в необразной модальности. Образ – это итоговая форма сновидения и продукт воображения. Здесь включается работа, направленная на *перевод информации из одного кода в другой*. Сновидение, по Фрейду, работает именно в этом направлении, подбирая образы, способные передать исходное сообщение. Поскольку во сне содержание транслируется субъектом самому себе, то механизм этой работы отчасти похож на внутреннюю речь и ее кодовые переходы. Сон для воображения в какой-то степени аналогичен функциям внутренней речи для мышления. «Сну необходим толкователь – будет ли это современный психолог или языческий жрец. У сна есть еще одна особенность – он индивидуален, проникнуть в чужой сон нельзя. Следовательно, это принципиальный “язык для одного человека”»²⁷. Одним из выразительных способов передачи мысленного содержания с помощью образов является *метафора*. [52]

Согласно Р. Арнхейму, мышление необходимо задействует образные функции, что доказывается, например, ролью иллюстраций в изложении научных данных или топографических моделей типа кругов Эйлера в силлогистическом рассуждении. Наглядность востребована, ибо структура, требуемая для мысленного представления объекта, носит образный характер²⁸. Воображение выполняет *функцию перевода* материала мышления *из абстрактно-понятийного и знакового кода в образный*, и в этом заключается подлинная целостность продуктивного мышления.

Традиционные подходы к воображению шли от образа к объяснению его творческой природы и условий возможности творчества. Однако верно ли это направление? Концепция двойного кодирования и обработки информации (А. Пайвио, Р. Сперри и др.) ведет к допущению, что главная функция воображения – это *перекодирование информации* из образной в вербальную форму и наоборот, а также установление соответствия единиц в обеих системах. Следовательно, вопрос о функциях воображения предполагает изучение развития систем переработки информации и выделения в этом процессе функций воображения.

Между тем, в когнитивной науке внимания к этой проблеме уделено не так много. Согласно У. Найссеру, образы воображения производны от перцептивной активности, и выступают в роли средств предвосхищения информации в живом поведении организма²⁹. Воображение обеспечивает, своего рода, примерку когнитивных схем, которые интегрированы сознанием, к действительности, перманентно раскрывающейся восприятию в процессе жизни. Предвосхищение – это универсальная

функция воображения, возможная благодаря переводению когнитивной информации на язык образов и движений.

4

Мы описали две точки зрения на объяснения когнитивных функций воображения, выстроенные на принципе автономии познавательных процессов. Иррационализм видит в воображении самодостаточный источник познания и творчества, тогда как когнитивизм, по сути, восстанавливает кантовскую модель воображения как посредника между двумя стволами познания: чувственностью и вербально-логическим мышлением.

Немецкая классическая философия сформулировала принцип системного подхода к явлениям. В психологии эта методология на основе материализма и историзма была реализована, прежде всего, Л.С. Выготским. Воображение выступает в его теории в единстве с другими процессами и претерпевает изменения в ходе усложнения интеллектуальных функций. И мышление, и воображение являются психологическими механизмами познания человеком действительности, развиваясь из единого источника – предметной деятельности и речевого общения.

Как показал Выготский, факты биологии, зоопсихологии и детской психологии опровергают теорию аутистических функций воображения. Первичное сознание связано с реальностью и реальными потребностями. Действительное развитие воображения определяется не отрывом от реальности, а отношением к развитию речи и сферам деятельности ребенка. [53]

Монизм Выготского – это утверждение целостности сознания в его «реалистических» и «фантастических» формах. Формы воображения (мечтательность, научное, конструкторское, художественное воображение) возникают не из метафизически противопоставленных типов мышления, а из связи мышления с другими процессами³⁰. В развитии мышление и воображение совпадают и как самостоятельные процессы не существуют вовсе³¹.

Согласно Л.С. Выготскому, основная функция воображения – создание новых образов с целью «пересоздания действительности»³². Эта деятельность предполагает различение субъектом образа «реального» (данного в памяти, мысли, восприятии) и образа «фантазии». Такого различения не хватало методологии эмпириков и рационалистов, поскольку и те, и другие исходили из противопоставления чувственного и разумного как двух способов представления реальности. Поэтому воображение мыслилось ими как противоречивый посредник, имеющий двойственную природу.

В единой теории психических процессов Л.М. Веккер рассматривал воображение как сквозной психический процесс, выполняющий *антиципирующие функции* на всех уровнях сознания. Воображение проявляет себя в различных формах сенсорно-перцептивной экстраполяции, антиципации и вероятностного прогнозирования³³. Выделяя в этом контексте специфику творческого воображения, Веккер определял его продукты как образы будущих объектов или фантастические образы, которые строятся средствами умственных действий. Творческое воображение включается в мыслительный процесс, «представляя один из языков мышления – язык предметных пространственно-временных гештальтов»³⁴. Однако у Веккера выходит, что внутри целостного психического процесса специфицируется не воображение и его функции, а антиципирующая деятельность психики, реализованная во множестве видов воображения.

А.В. Брушлинский, анализируя методологию определения воображения, пришел к выводу, что существующие подходы к воображению не специфицируют его сущность³⁵. Сам Брушлинский идет вслед за Л.С. Рубинштейном в признании воображения в качестве вида чувственного познания. Однако, в своем анализе А.В. Брушлинский отчасти изменяет проводимому им принципу недизъюнктивности: воображение относится либо к чувственному, либо к мысленному познанию. Но, как показано самим Брушлинским, мышление обретает свою специфику лишь в связи с воображением, также как и воображение специфицируется в системе с рациональными функциями. Медиаторная функция воображения должна быть переосмыслена в контексте принципа непрерывного и целостного процесса психического отражения.

Брушлинский верно формулирует положение, согласно которому проблема «старого» и «нового» (репродуктивного и продуктивного) касается процесса познания в целом. Задача исследования самого познания – понять переход от старого к новому³⁶. Следовательно, и проблема спецификации воображения предстает в ясном виде: какова его роль в обеспечении этого перехода? [54]

5

Отдавая познавательные функции воображения рациональности, мы утверждаем его неразрывную связь с мышлением. Мышление – это, прежде всего, умение оперировать объектом в идеальной форме понятия. В этом смысле воображение как преобразование идеального объекта есть, по сути, стихия мышления. Вместе с тем, очевидно, что функции воображения не сводятся к логико-понятийному преобразованию. Вне этой формы остаются виды художественного творчества: живопись, литература, музыка, хореография. В каждом из них реализованы особые формы воображения, востребован специфический язык цвета, пластики, мелодии

или метафоры. Язык как средство отвлеченного представления здесь выступает в образно-символической функции.

Мышление – это рефлексивный уровень познания. Творчество, выходящее за грань чистой рефлексии, демонстрирует свою специфику протекания познания. Яркие примеры даны в древнеегипетских пирамидах или восточных и североамериканских орнаментах, в которых соблюдены математические закономерности, притом, что они не были выделены творцами в теоретической форме знания. Творческий продукт дан творцу как целое. Существенное и случайное содержание в этом процессе неразделимо и только впоследствии может быть осознано. Поставим вопрос: если механизмы творческого воображения не являются полностью рефлексивными, то в какой мере можно говорить о сознательном характере творчества и творческого мышления?

К.Г. Юнг поставил своей теорией коллективного бессознательного важную проблему существования образного уровня психики, автономного от непосредственного опыта индивида. Тем самым вопрос об отношении образного и рационального уровней сознания усложнился. Образный уровень несводим к непосредственному опыту индивида и не зависит от индивидуальной памяти.

Вместе с тем, было бы непоследовательно отождествлять воображение только с глубинной символической деятельностью. Научная деятельность, по свидетельствам выдающихся ученых разных областей, тесно связана с вполне рациональными функциями воображения. В науке воображение выполняет специфическую и необходимую функцию – *преобразует образное содержание проблемы* и этим содействует ее разрешению. При этом немалую роль играет *эстетический компонент воображения*. Физик-теоретик Р. Пенроуз однажды выразил уверенность в том, что внезапное озарение связано с его эстетическими свойствами. «Красивая идея имеет гораздо больше шансов быть правильной, чем идея нескладная»³⁷. Эстетика образов не носит исключительно иррациональных свойств. Гештальт включает в себе больше закономерности (завершенность, прегнантность, сходство), нежели стихийности. Красота формы – явление вполне рациональное, а иррациональными могут быть способы ее переживания.

Психический образ – это результат отображения действительности в сознании различными способами так, что отраженная действительность представлена в завершенном виде, т.е. охватываемом сознанием в целости. В таком качестве образ может сильно отличаться от непосредственно запечатлеваемого облика вещи. Генезис образного отражения восходит к пространственной активности организма и у человека развивается под действием сложных видов деятельности и культурной [55] среды. Объяснение универсального и всеобщего характера воображения следует

искать именно в условиях деятельности, т.к. в них заключен источник связей, определяющих функции воображения в сознании.

Э.В. Ильенков рассматривал воображение как продукт эстетической культуры, т.е. исторически развившуюся форму чувственности. Она есть одна из «универсальных способностей, отличающих человека от животного»³⁸. Как диалектик, Ильенков оценивал принцип культурного опосредствования содержательно – воображение есть результат материального и духовного освоения действительности, конкретного уровня развития человека и общества. Поэтому воображение выступает не только в своих психологических формах, но и культурно-исторических, в частности, распадающихся и деградирующих (например, в образах массовой культуры и авангардного искусства). «“Фантазия” (строже – “продуктивное воображение”) есть универсальная человеческая способность, обеспечивающая человеческую активность восприятия окружающего мира. Не обладая ею, человек не может ни жить, ни действовать, ни мыслить по-человечески ни в науке, ни в политике, ни в сфере нравственно-личностных отношений с другими людьми»³⁹. Воображение – это не просто чувственная форма отражения, но форма, возникающая на основе именно человеческой способности к восприятию.

Системный принцип позволяет определить воображение, поставив его в связь с целями и условиями деятельности как всеобщего способа отношения человека к природе и к себе самому (к себе как предмету своей деятельности). Движущим звеном в этом отношении выступает противоречие между условиями и целями, определяемыми человеком в контексте предметно-практических задач. Вынесение этих противоречий на уровень теоретического мышления предполагает, одновременно, спецификацию воображения в составе познавательной деятельности.

Результатами экспериментов В.Т. Кудрявцева показано, что воображение никогда не задано в каком-то специфицированном виде в субъекте, и как высшая способность является продуктом развития. Его подлинная функция – *творческое разрешение противоречия* средством образного конструирования содержания. Развиться эта функция может лишь в контексте задачи (содержания) и мыслительной деятельности (познавательного отношения к предмету)⁴⁰. Воображение – это не отображение (штамп) и не произвол. Переход от старого к новому при формировании сознательного отражения действительности осуществляется как разрешение противоречия самого содержания. Предмет должен остаться собой, но обрести новые функции. Воображение открывает в предмете новые возможности и дает субъекту оригинальный угол рассмотрения действительности.

Воображение, как отмечал Гегель, затрагивает содержание. Реалистичный художественный образ должен содержать в себе это преобразование, оставаясь при этом отражением реальности,

приближением к ней, преодолением случайного в чувственной непосредственности. Сказка выражает в вымышленной форме именно реальное содержание, реальные отношения людей, действительные свойства объективного мира. Исключительно творческое качество фантастики как [56] жанра – изображение нереального именно как реального в принципе, как возможную действительность.

Основная задача, которую выполняет воображение в процессе познания, заключается, по определению В.Т. Кудрявцева, в противостоянии энтропии мышления и его продуктов (понятийной формы знания). Воображение собирает знание в целое, определяемое его содержательной необходимостью, тогда как дискретный характер вербально-логической мысли имеет тенденцию «растекаться по древу». Соответственно, регулятивные функции воображения в познании связаны не только с представлением знания в образном виде, но с концентрацией мысли в конкретном содержании.

6

А.В. Брушлинский правильно подчеркивал, что проблема новизны как критерия спецификации воображения поставлена неточно. Открытие и отыскание нового – это характеристика познавательной деятельности вообще, причем как индивидуального, так и родового субъекта, причем при примате второго над первым. Системный и генетический подход к сознанию позволяет определить воображение как *творческий поиск* нового способа отражения (образа, представления или восприятия), получающий развитие в синтезе с мышлением. На чисто чувственном, животном, уровне, на котором нет рационального познания, воображение дано в зачаточной форме сенсорной антиципации. В патологии воображение выделяется в своих искаженных, гипертрофированных формах.

Исток воображения как специфически познавательной функции следует искать в неразвитой человеческой форме сознания – в стихийном синкретичном сознании. Историческое понимание воображения требует отталкиваться не от того, как функционирует воображение у современного взрослого индивида, а от того, как *закономерно (т.е. всеобщим способом) воображение развивается в полноценную функцию у индивидов в исторически наиболее зрелом обществе*. Всеобщая форма онтогенеза в конкретно-исторических условиях есть главный методологический ориентир. Впервые в психологии он развит Л.С. Выготским, который обосновал генетический подход к психике в системе материалистического понимания истории. Развитие человеческих способностей от низших к высшим идет социально-исторически, однако в онтогенезе их развитие регулируется движением от высшего к низшему, где высшее, как достигнутый уровень культурного развития, преобразует натуральные функции индивида.

Ошибочно привязывать творчество к деятельности воображения. Новое создается не только силами воображения, но целостной деятельностью познания. Воображение оформляет его образное содержание. В этом случае нет проблемы объяснения различий между репродуктивностью и продуктивностью, ибо воображение дает представление, которое наполняется содержанием то ли из памяти, то ли из мышления, то ли по логическим схемам, то ли по ассоциативным связям. Степень новизны здесь определяется условиями задачи, заключенными в ее содержании, и целями деятельности. [57]

Воображение – это источник идеального синтеза, благодаря которому возникают образные данные для анализа. Воображение создает отношения, которые не даны непосредственно, но раскрывают объект в новых связях и возможностях. Благодаря этому воображение обеспечивает:

1. наглядное отражение реальности в ее новом возможном содержании;
2. наглядный идеальный способ действия в новых возможностях;
3. возможные способы понимания реальности в ее новом содержании на основе наглядного представления способов взаимодействия с ней.

Познание предполагает построение предмета в своем сознании. Именно воображение обеспечивает единство предмета в сознании, регулируя логическое движение мысли от абстрактного к конкретному.

1. Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т.1. М., 1976. С. 430.
2. Плотин. Первая эннеада. СПб., 2004. С. 291.
3. Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т.1. М., 1989. С. 115.
4. Там же. С. 133.
5. Там же. С. 137.
6. Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х тт. Т.1. М., 1957. С. 423-424, 437-439, 441-442.
7. Гоббс Т. Сочинения в 2-х тт. Т.1. М., 1989. С. 139.
8. Юм Д. Сочинения в 2-х тт. Т.1. М., 1996. С. 70.
9. Там же. С. 153-154.
10. Юм Д. Сочинения в 2-х тт. Т.2. М., 1996. С. 175-176.
11. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 142.
12. Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу. М., 1996. С. 249.
13. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.3. М., 1977. С. 281.
14. Там же. С. 281-282.
15. Гегель Г. Лекции по эстетике. Кн. 1. // Соч. в 14 тт. Т. XII. М., 1938. С. 41.
16. Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896. С. 175-179.
17. Рибо Т. Творческое воображение. СПб., 1901. С. 8.
18. Freud S. Formulation on the two Principles of Mental Functioning // Complete Psychological Works of Sigmund Freud. W.W. Norton & Company Incorporated, 1976.
19. Jung C.G. Analytical psychology: its theory and practice: the Tavistock lectures. Pantheon Books, 1968. P. 190-192.
20. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 107-114.

21. Koestler A. The Three Domains of Creativity. In Challenges of humanistic psychology. By James F.T. Bugental (Ed.). McGraw-Hill, 1967. P. 32.
22. Ibid. P. 33.
23. Ibid. P. 38.
24. Бергсон А. Смех // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999.
25. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 15.
26. Там же. С. 137.
27. Лотман Ю.М. Семиосфера СПб., 2001. С. 126.
28. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М., 1994. С. 155-162.
29. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981. С. 144.
30. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 тт. Т.2. М., 1982. С. 451.
31. Там же. С. 453.
32. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4. М., 1984. С. 203.
33. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 2000. С. 573.
34. Там же. С. 575. **[58]**
35. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва – Воронеж, 1996. С. 385
36. Там же. С. 372.
37. Penrose R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics. Oxford University Press, 1999. P. 544.
38. Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии // «Панорама». Ежегодник. Москва, 1967. С. 25.
39. Там же. С. 42.
40. Кудрявцев В.Т. Природа и генез воображения. (Опыт логико-психологического анализа проблемы в духе идей Э.В. Ильенкова) // Э.В. Ильенков: личность и творчество.

[59]